

Н.А.Кащей

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Определяется место риторики в жизни гражданского общества. Риторика рассматривается как инструмент социально-политического самоутверждения, как угроза государственных устоев и как политический спор в современных условиях вынужденной публичности. Эти ее функциональные характеристики иллюстрируются на примере софистики, теории государства Т.Гоббса, а так же на примере полемики между правыми и левыми политическими идеологами, которая развернулась в 70-х годах XX века в Германии.

Ключевые слова: мнение, власть, риторика, гражданское общество, риторическое самоутверждение

Актуализация современного исследовательского интереса к феномену гражданского общества обусловлено падением инструментальной эффективности политических институтов, традиционно отвечающих за реализацию функций коллективного целедостижения, и проблемами социального конструирования демократических политических институтов в современной России. Значимость исследования риторико-символических структур представляется особенно очевидным в связи с проблемами становления новых для России институтов публичной власти и потребностью в теоретическом осмыслении причин малой эффективности заимствованных институциональных форм в обеспечении устойчивой социальной интеграции. Качественные параметры гражданского общества — важнейшие социальные индикаторы цивилизованности политической коммуникации и коллективных практик. В этой связи — разработка междисциплинарных когнитивных моделей влияния дискурсивного, символического содержания современной риторики на практику социального конструирования институтов гражданского общества, публичную активность граждан и политических элит, динамику политических институтов — одно из перспективных и динамично развивающихся направлений современной риторики, теории коммуникации, политологии, права и социологии.

Действительно, политика и риторика в гражданском обществе постоянно находятся во взаимодействии и составляют конститутивную платформу для любого социального действия. Политическая риторика, борьба за правильность основных черт общей практики является ядром любой политической общности и ядром государственной устойчивости. Это находит наглядные подтверждения как, например, в классической античной демократии, так и в современном гражданском обществе; широкие риторические процессы инсценируют медиальные соглашения, а также составляют основу для таких государственных образований, в которых более мелкие корпорации оставляют за собой важные политические решения. Решающим здесь является то, что формулируются определяющие позиции в области политической практики и перспективируется поведение актеров на политической авансцене.

Мы, конечно, не будем здесь предлагать готовых рецептов по разрешению основных политических и риторических коллизий современности, а попытаемся говорить о связи между политикой и риторикой в гражданском обществе как необходимом условии их разрешения, обозначив при этом основные направления взаимодействия политической и риторической практики. Вместе с тем, не вызывает сомнений тот факт, что язык в политике выполняет множество функций, которые либо отменяются, либо существуют — в зависимости от избранных целей — в различных дифференциациях и специальных типологиях. То, что всегда может выполнять язык в политике, есть работа по конституированию исключительного и особенно представительного политика в лице общественной субсистемы. Наличие плюрализма ведет к зависимости от степени интенсификации общественного сознания; необходимо политически гарантировать не только плюрализм мнений о целях деятельности, но и вместе с тем также необходимо обеспечить поиск механизмов интеграции и координации, в которых осуществляется политическая деятельность общества. Слово и соответственно политическая речь являются особым рода стратегией такого осуществления, так как они уже незаменимы в идеологическом обеспечении интеграции и легитимации, в аргументационном процессе по убеждению и координации.

Как справедливо замечает Юрген Хабермас, «если государства можно различать по формам государственного правления, обличив в подходящее по значению слово, то его сущность говорит часто больше чем понятийные признаки, которые являются общепринятыми» [1, с. 17], то есть «государственное красноречие» выражает не только методологические основания, но и является оригинальным способом существования политического. Оригинальным оно выступает в той связи, что политическое находится в особом отношении к политической речи и соответственно к политическому языку, потому что политика прекращает быть политикой, если она «безмолвна». Иначе говоря: политика является государственной, если государство занимается языковой инфраструктурой политики.

Язык является не только средством политики, а также условием ее возможности и средством информации ее устройства, политика проектируется посредством языка, подготавливается и сопровождается. Языком управляют, регулируют, влияют, на языке разъясняют, описывают, мотивируют, оправдывают, отвечают, контролируют, критикуют, судят и осуждают. Политический мир является таковым, каким он

конституируется в наших описаниях и изменяется равным образом, как и его описания. Известное выражение, что политика вершится не на словах, а на деле, совершенно справедливо, поскольку слово в политике и есть действие; во всяком случае, без слов политика едва ли возможна.

Эти доверительные отношения между политикой и языком представляют основную фабулу исследований политики в языке и языка политики. Некоторые авторы считают, что «политика больше не побуждает к развитию политический язык, ее понятия слишком абстрактны, застыли в расхожих клише и не могут быть справедливы по отношению к многослойной, полной риска действительности» [2, с. 79]. Конечно, не нужно спешить подписываться под этим приговором, однако следует признавать, что политика с удовольствием отстраняет от своих ценностных критериев соответствующую языковую критику, которая и кормит ее нормативно-эстетические составляющие из надежного источника стагнирующей языковой топики. То, что интересует в политическом языке авторов заявленных исследований, не есть функция языка в политике, а есть его стилистические требования; и то, что критикуется в политическом языке, требует не разработки языка политики (или политика), а устранения языкового бессилия и неспособности «нового мышления» состоять на службе «новой политики». В противном случае развивается опасная тенденция «язык вместо политики», знакомое явление в новейшей истории отечественной политики.

Вообще в процессе риторизации политики и политизации риторики можно выделить, как нам представляется, две основные стратегии: первая — синтетическая, она отражает правила для говорящего и соответственно выражает интересы автора. Условно такую систему можно назвать стратегией публичного пропонирования, в рамках этой стратегии возникает риторика самоутверждения, платоновская прецепторальная (философско-учительская) риторика, субсидиарная риторика Августина, функционирует риторика политического спора. В этой своей стратегии риторика направлена на выполнение функций сохранения и обеспечения политического или иного господства, обеспечивает освобождение от политической или идеологической оккупации и узурпации противником общезначимых ценностных понятий. Вторая — аналитическая, она отражает правила слушающего и, следовательно, выражает интересы аудитории. Здесь можно указать на аристотелевскую риторику как средство информирования процесса общественного волеизъявления, на современную публичную риторику и политику, а так же на их процедурный характер.

Можно констатировать, что целостность функционирования риторики в сфере социальной практики обеспечивается процессом риторической проблематизации различных моделей социально-политического взаимодействия. В рамках этого процесса риторика выполняет множество функций в политике, такого рода взаимосвязь между риторикой и политикой характерна для всей социальной истории человечества и является важнейшим элементом любой формы государственности, а роль и функции риторики в политике и политики в риторике, отношение к ним человека и общества служат показателями культурного и общественного развития, социальной, политической и идеологической ориентации общества, степени включенности гражданского общества в жизнь государства.

Обозначим некоторые наиболее значимые социальные функции риторики в современном гражданском обществе, которые также характерны и для современной России. Риторика есть угроза политической стабильности — тезис идущий еще от Платона и Августина и нашедший свое наиболее завершенное развитие у Гоббса. Гоббсовская теория развивает учение о риторическом этосе в его чистой форме: риторика только лишь не контролируемый и с самого начала приручаемый потенциал власти, который используется в политической конкуренции по отношению к суверену. Последний же должен гарантировать своим гражданам всеми имеющимися у него средствами физическую и правовую безопасность. Подход к вопросам политики родоначальником современного либерализма строится на базе науки, которая в гоббсовской философии впервые вторгается в область политической практики. Нормы деятельности должны также обосновываться, как и математические следствия. От имени научной методологии новое мышление с некоторым пафосом отмежевывается от риторики и ее техники ведения диспута, чтобы демонстрировать отныне только холод и равнодушие логической необходимости. Этот способ научного договора Гоббс понимает как форму красноречия (*eloquentia*), который он называет «логикой» и противопоставляет риторике. В то время как логика должна рассматривать вещи и понятия, риторике остается единственный источник — господствующие мнения. В этой дилемме ничего риторике не достается кроме «возбуждения страстей». Таким образом, риторика лишается логических средств убеждения, а ее объяснения — этической релевантности, и может легко отвергаться как чистый источник аффекта. В гоббсовской теории государства риторика замещается расчетами власти, которые составляют предмет практической философии, на языке которой они могут выражаться в виде научного анализа практики. Исторически это видится как борьба научного мировоззрения со средневековой схоластикой, в современной ситуации это объясняется необходимостью сохранения государственной целостности, борьбой с терроризмом, внешними угрозами и т.д. Мы можем назвать здесь достаточно причин, которыми объясняется необходимость государственного контроля над информационными потоками на нынешнем этапе развития демократии в России, да и не только в России.

Вторая тенденция связана с политическим самоутверждением и как следствием господством политической софистики и не только в негативном смысле этого слова. Софистический успех, в том числе политический стоит на трех китах: 1) на понимании божественного происхождения риторического логоса; 2) софистическом всезнании; 3) риторической власти ритора над аудиторией, которая находит свое выражение в софистическом положении «пропасть между ритором и аудиторией. Обратимся к классике, к «Похвале Елене»

Горгия. Слово, будучи звуком, наделено даром давать существование тому, чего нет. Звук, «самое незаметное из тел», как говорит Горгий в «Похвале», — это ведь и самое демиургическое начало в дискурсе, то, что воистину обладает эффектом, действительностью, умением создавать вымысел, фикцию, его функция — освобождать от настоящего, давая вместо себя существование объекту желания. Горгиева «Похвала» помогает понять, что *logos* не есть нечто, обязанное означать *physis*, и что слова не должны выражать в первую очередь внутренний мир высказывающего субъекта, софистика — не род психологии, секрет этого снадобья связан с удовольствием от речи, с удовольствием говорить. С точки зрения современной риторики софистика эксплуатирует имманентно присущее слову свойство: его коммуникативную природу.

Софист не боится дискредитации своих положений в контексте практики, поскольку магическое воздействие логоса категорически исключает ответственность за убеждение: благодаря логосу, убеждение «чеканиться» в душе, как ему заблагорассудится. Логос обольщает точно так, как власть принуждает. Кто знает, чему служит речь, тот управляет убеждениями. Это особенно интересно в контексте принятия политического решения. Такой логос не открывает путей для новой деятельности, но платит ей тем, что осуществляет риторическую инструментализацию (символическую привязку к слову и его семиотических составляющих) происходящего.

Ритор дистанцируется от аудитории, которая под опекой всевластного логоса лишена всех вариантов деятельности. Софистика эту ситуацию рассматривает как выражение полной власти ратора. Для политического самоутверждения более ничего и не требуется. Кто в ситуации, требующей разрешения, выдвигает ясное положение, тот существенно определяет политическое решение. Удержится ли также еще в исторической перспективе выдвинутое положение, является несущественным с софистической перспективы. Ситуация принятия решения уникальна в том смысле, что альтернативы, по поводу которых принимается решение действительно разрешаются, чего позже может больше и не представиться.

Ориентация на доксу (мнение) делает софистическую риторику очень напряженной. В политике в силу ее открытости не существует предела: риторическая власть ограничивается только риторически, власть мнения нарушается противоположным мнением. В этой напряженной среде политический софист чувствует себя вполне уверенно, потому что осознанно, как нам представляется, моделирует софистический тип политического дискурса, направленный на достижение политического самоутверждения [подробнее см.: 3; 4]. Ярчайшим примером эксплуатации имманентно присущей слову коммуникативной природы, которую софисты называют риторическим логосом, является политическая риторика лидера ЛДПР Владимира Вольфовича Жириновского.

Третья тенденция связана с риторикой как политическим спором. Чем подробнее мы рассматриваем слово, тем детальнее оно нам открывается - этот опыт давно известен профессиональным лингвистам, однако, оставался чуждым интересам официальных «пользователей» политического языка. Иначе непонятно, как они могут надеяться и соответственно в свое время могли надеяться, что слова сами будут подсказывать свои значения, словно слово само заботится по-разному передать свое значение в зависимости от принадлежности к партии и соответственно идеологии «пользователя» политического языка. Это отнюдь не лингвистическая неожиданность; однако, в теоретическом разьяснении этого особенного поведения слова политическая теория проявляет незначительный интерес, и занимает более выгодную с прагматической точки зрения теоретическую позицию: другие могут неправильно понимать слова, а также преднамеренно искажать их истинное значение вплоть до неузнаваемости. Поэтому нужно спорить в сфере политики по поводу слов и их «настоящего» значения, чтобы политический язык не утратил своей «понятийной тождественности».

Если оглядываться назад на длинную историю политической традиции, то можно увидеть, что значение этого политического препирательства неустанно возрастало, и, как известно, достигло своего пика в 70-ые годы прошлого века в идеологической борьбе двух политических систем. Её интерпретация как идеологической защиты «языковой власти» адекватно выражает «политическую семантику» своего времени. Такое спасение слов от его врагов представляет, конечно, внутреннюю сторону политики в сублимной форме языковой политики, само собой разумеется, что в свое время было значимым явлением для языковой политики.

Это означает, что политика становится в значительной степени политикой благодаря риторике; так как риторика (как практика) нацелена на такое применение языка, которое апеллирует к «готовности действия и согласия» ее адресатов, без которых не возможно ни совместное действие в обществе вообще, ни политическое действие в частности. Речь идет не о лингвистической критике политического языка, а об обосновании его политической и прагматической функций в обществе, которое настойчиво приглашает к языковому управлению политическими спорами в средствах информации и, вместе с тем, так же побуждает к спору об общественном языке и соответственно о его ключевых политических понятиях. Можно сказать: все стороны спора должны платить издержки как хранители обещаний и вместе с тем как хранители подлинного языкового содержания. Общеизвестная ограниченность этого «символического капитала» обостряет политическое препирательство вокруг языка как борьбы за общественное присутствие и признание. Риторика как политический спор представляет собой именно это, то есть риторика выступает как объект спора и борьбы в политике в современных специфических (изначально медиальных) условиях вынужденной публичности.

Для описания процесса этой работы над публичным языком употребляется терминология «языковая оккупация» и соответственно «узурпация», в этом смысле любопытен тезис Курта Биденкофа, согласно которому политика вообще и ее различные направления в частности при угрозе наступления длительного

«цикла молчания» может быть «отлучена от церкви». «Насильственное занятие цитаделей государственной власти не является более предпосылкой для революций. Сегодня революции осуществляются другим способом. Вместо зданий правительств занимается понятийный аппарат, с помощью которого оно правит, понятия, которыми мы описываем наш государственный порядок, наши права и обязательства, наши институты власти» [5, с. 195]. Эта цитата из речи Биденкофа на гамбургском съезде партии ХДС, ставшая известной благодаря легко запоминающейся (военизированной) метафорике, выражает суть политической борьбы за слова и понятия, которая развернулась в 70-х годах XX века в Германии.

Метафора «оккупация понятий» достаточно эффектно иллюстрирует как устранять двусмысленность правовых противоречий, требует прийти на помощь «оккупированным» и «узурпированным» понятиям, чтобы «освободить» их от «незаконных владельцев». О том, насколько сильно смысл этой метафорике окрашивает языковую критику своего времени, хорошо говорит ее лексика: языковая критика консерваторов подразумевалась как «контрнаступление», «обратный захват» занятых понятий, как «освобождение их» от «идеологической подделки», как возвращение им «здорового смысла и нормального значения», как устранение «языковых барьеров», которые препятствуют доступу к политической действительности, как восстановление политического языка на принципах «общего политического согласия и волеизъявления», как разоблачение «семантического обмана» левого «языкового господства» и их «манипуляций понятиями» и т.д.

Метафорические инсинуации различий между оккупацией и освобождением понятий, между фальсификацией и спасением слов, естественно, нацелены на то, чтобы получить стратегические преимущества в аргументации. Однако эта нацеленность не может гарантировать истинность аргументационному процессу и, тем самым, как разновидность языковой критики, принять рекомендуемую и узаконивающую форму. Поэтому не удивительно, что вскоре формула «борьба за понятия», которая изначально использовалась исключительно для разоблачения подделок, так называемых, «левых языковых стратегий», стала нейтральной формулой описания, с помощью которой могло предприниматься любое языковое политическое контрнаступление, и перестает быть отличительным признаком «консервативных языковых стратегий». Борьба против идеологической узурпации понятий осознается, как идеологическая борьба вокруг нового использования понятий», чем она и была с самого начала.

Ярким примером политического спора за легитимное обладание понятием в современной России является политическое препирательство за право называться патриотом, есть претензии коммунистические, либеральные, государственнические и др. называть себя истинным патриотом, в то время как представления политических оппонентов рассматриваются как искажение подлинного понимания смысла патриотизма, и примеров такого рода борьбы за слова в современной российской политике можно обнаружить предостаточно.

Таким образом, мы попытались акцентировать внимание на значимости изучения механизмов «риторизации политики» как специфической социальной практики, существенно влияющей на становление современного языка гражданского общества. В современной России политика становится в значительной степени политикой благодаря риторике, предопределяющей эффективность общественного дискурса «готовности» к «согласию».

1. Habermas J. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Frankfurt: Suhrkamp, 1971. 404 s.
2. Eppler E. Kavalleriepfede beim Hornsignal. Die Krise der Politik im Spiegel der Sprache. Frankfurt, 1992. 251 s.
3. Кашей Н.А. Риторическая угроза государственной стабильности (по Томасу Гоббсу) // ...Как слово наше отзовется...: Сборник научных статей, посвященный 10-летию философского факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого. В.Новгород: НовГУ, 2004. С. 198-206.
4. Кашей Н.А. Воля к власти как риторическое самоутверждение // Вестник НовГУ. Серия: «Гуманитарные науки: философия, культурология». 2004. № 27. С. 16-21.
5. Biedenkopf K.H. Politik und Sprache // Heringer H.J. (Hg.) Holzfeuer im hölzernen Ofen. Aufsätze zur politischen Sprachkritik. Tübingen, 1982. S. 180-197.

References

1. Habermas J. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Frankfurt: Suhrkamp, 1971. 404 s.
2. Eppler E. Kavalleriepfede beim Hornsignal. Die Krise der Politik im Spiegel der Sprache. Frankfurt, 1992. 251 s.
3. Kashchey N.A. Ritoricheskaya ugroza gosudarstvennoy stabil'nosti (po Tomasu Gobbsu) // ...Kak slovo nashe otzovetsya...: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 10-letiyu filosofskogo fakul'teta NovGU im. Yaroslava Mudrogo. V.Novgorod: NovGU, 2004. S. 198-206.
4. Kashchey N.A. Volya k vlasti kak ritoricheskoe samoutverzhdenie // Vestnik NovGU. Seriya: «Gumanitarnye nauki: filosofiya, kul'turologiya». 2004. № 27. S. 16-21.
5. Biedenkopf K.H. Politik und Sprache // Heringer H.J. (Hg.) Holzfeuer im hölzernen Ofen. Aufsätze zur politischen Sprachkritik. Tübingen, 1982. S. 180-197.

Kashchey N.A. Political rhetoric and civil society. This article is devoted to the definition of the place of rhetoric in the functioning of civil society. Rhetoric is regarded as a social and political self-affirmation tool, as a threat to state established basics and as a political dispute in modern conditions of forced publicity. The given above functional characteristics of rhetoric are illustrated in the context of sophistic, the State Theory of Thomas Hobbes, as well as the controversy between right-wing and left-wing political ideologists, which took place in the 70-s of the XX century in Germany.

Keywords: opinion, power, rhetoric, civil society, rhetorical self-affirmation.

Сведения об авторе. Н.А.Кащей — доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии ИГУМ НовГУ; Nikolay.Kashchey@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.03.2017.